

ПАВЕЛ ФИЛИППОВ

ИНИ ШИД ШИЯ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Павел Филиппов

Инициация и другие рассказы

«Автор»

2023

Филиппов П.

Инициация и другие рассказы / П. Филиппов — «Автор», 2023

ISBN 978-5-907737-15-0

Как чувствует себя новоиспечённый поэт в 6 лет? О чём беспокоится заблудившийся в тайге юноша 18 лет? Что переживает амбициозный научный сотрудник в 25, ремонтируя машину на одной из центральных улиц Хельсинки? Как бизнес-консультант в 30 пытается понять, почему члены правительства региона должны мыться в бане? Как молодой папа в 35 ощущает себя счастливым, сочиняя сказки? Как мужчина в 40 пытается справиться со своими ограничивающими убеждениями? Что зрелый муж в 48 способен осмыслить про своё тщеславие и отношения с мамой? В книге 21 реальная история из жизни: весёлые и с грустинкой, про автора и множество других хороших людей, которые хотят, чтобы всё было здорово и правильно, а получается, как получается.

ISBN 978-5-907737-15-0

© Филиппов П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Инициация	7
Рарег монстр	10
О формальном и содержательном	13
Чисто мужская тема	15
Линза	18
Мудрость старейшин	20
Девочка и шут	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Филиппов

Инициация и другие рассказы

Введение

У меня дома лежит большой мешок старых тетрадей. Килограммов пять. Это не просто тетради – это сборники научно-фантастических рассказов, которые я писал в школе. Писал по ночам и вечерам. Писал, когда болел и когда прикидывался, что болел, чтобы остаться дома и написать ещё что-нибудь. Их больше полусотни – длинные, на 70 страниц рукописного текста и короткие, на три. Откроешь их на произвольной странице и видно, что писал ребёнок, наивный достаточно. Откроешь на другой – и зависнешь: неужели юноша в седьмом классе уже мог так по-взрослому рассуждать и знать такие вещи?...

По окончании школы времени творить просто для души как-то совсем не стало, но ностальгия по состоянию творческого потока осталась. Следующие 35 лет я несколько раз начинал что-то писать, да всё никак не мог довести дело до конца (научно-бизнесовые книги не в счет). Всегда были дела поважнее. И вот в сорок восемь появился на свет первый рассказ – «Инициация». Приятное чувство творческого полёта и радость от признания крошечной аудитории не желающих меня обидеть близких людей. Не расплескать бы... Но дальше дело шло очень медленно. Семейному человеку с задатками трудоголика крайне непросто выделить время на такую вроде как бессмыслицу, как написание художественных рассказов.

И тогда появилась идея – сделать первую книгу подарком дочери на 20-летие. Вот это аргумент – тут и образ результата, и конечная дата, и семейные ценности.

Уровень мотивации подскочил, и дело пошло чуть быстрее. И вот наконец сложилась книга. Первый 21 рассказ. Всё, что успел к 8 июля. Множество сюжетов остались ждать своего часа. В рассказах всё – правда. Ну, во всяком случае, с поправкой на художественные подробности, соответствует записям в моей голове. Я только имена ныне здравствующих кое-где изменил, на всякий случай.

Это не просто истории. Это те истории, которые время от времени всплывают у меня в голове. Иногда в ответ на ситуацию, а иногда без всякой причины. Некоторые из них я много раз рассказывал, и они прочно вошли в наш семейный фольклор, некоторые же до сих пор были для очень внутреннего пользования. И при этом все они – части моего ДНК, кусочки моего мировоззрения, маленькие, но ценные для меня фрагменты того, что такое для меня дружба и творчество, взросление и мудрость, любовь и счастье.

И конечно, для меня эта книга – своего рода инициация. Инициация из человека, собирающего камни, в человека, который их разбрасывает. Первый, так сказать, камушек. Посмотрим, как полетит.

Инициация

– Да ладно! Не сможешь! – Серёга смотрит на меня с нескрываемым скепсисом.

– Пожалуй, смогу, – я точно знаю, что смогу, но стараюсь не выглядеть слишком уверенным – это может помешать повысить ставки. – Спорим?

– На что? – когда Серёга волнуется или воодушевляется, у него на лице проступают красные пятна. Вот и сейчас щёки у него горят. Он готов.

– Давай так: если я к завтрашнему утру изложу этот параграф по физике в стихах так, что все основные мысли в этот стих попадут, ты тащишь меня на закорках через весь техникум из одного конца коридора в другой и выкрикиваешь: «Поэзия – страшная сила!». Если же у меня ничего путного не выйдет или я не успею к сроку, я тащу тебя на спине и кричу: «Я никудышный поэт!». – Мне в мои шестнадцать это представляется стоящей затеей.

– Давай заменим «никудышный» на «херовый», – вносит предложение Серёга. Понимаю его. В коридорах нашего техникума «никудышный» звучит почти так же неуместно, как «амбивалентный». Проще нужно быть с людьми и точнее в формулировках.

– Хорошо, – соглашаюсь я и отыгрываю паритет, – тогда ты кричишь: «Я ни хрена не смыслю в настоящих поэтах!»

– Идёт, – азартно говорит Серёга и протягивает мне руку.

Жму её. Вечер перестаёт быть томным.

Мне было пять. Мы с отцом ехали в Ветеринарный институт, где он преподавал. Я частенько ездил с ним на работу, когда меня некуда было девать. Автобус был переполнен, и дальше задней площадки продвинуться не представлялось возможным. Я почти не дотягивался до окна, разговор был затруднён давкой, и мне ничего не оставалось, кроме как сконцентрироваться на собственных мыслях. Мысли тем временем закружились вокруг последнего зрительного впечатления – флагов, развешанных по случаю подготовки города к празднованию 9 мая.

И вдруг мне в голову пришло стихотворение. У меня прямо дух захватило. Настоящее! Как у взрослых поэтов! Недавно только прыгали в голове какие-то отдельные слова, и тут вдруг бац – и стихотворение! Этакое пафосно-героическое по случаю грядущего праздника.

Какое-то время я крутил его в уме, шлифуя нюансы, и когда оно стало абсолютным совершенством, я выдал его отцу. Прорекламировал с гордостью, которая свойственна всем маленьким детям, впервые сталкивающимся с новым аспектом своего творчества: будь это клякса от черничного варенья на льняной скатерти или собственноручно подстриженная до проплешин младшая сестра.

Отец был большой, сильный и, мне казалось, самый добрый и умный на свете. Он, закинув голову назад, громко смеялся над моими проделками, пересказывал мне невероятно близко к тексту книги Гаррисона и Шекли и иногда давал попробовать пенку от пива. У нас дома собирались толпы его студентов, и они что-то горячо обсуждали, периодически прерываясь, чтобы переждать раскаты папиного смеха. Иногда встречал я, чтобы задвинуть что-нибудь про стрептококков или стафилококков. Отец был микробиолог, кандидат наук, тестировал на мне свои лекции, и я столько знал про патогенную флору, что иной студент-двоечник мог мне реально позавидовать.

У нас дома были напечатанные на печатной машинке не издававшиеся в те времена книги Солженицына и Булгакова, удивительные самиздатовские учебники по карате и аутогенной тренировке. Я ещё толком не умел читать, но с благоговением листал эти практически рукописи, сердцем чувствуя их большую внутреннюю ценность и какую-то дерзость в факте обла-

дания ими. Папа улыбался, когда я внимательно вглядывался в станицы «Собачьего сердца» и шутил что-то мне тогда непонятное про то, чего не стоит читать перед обедом.

Я смотрел на папу во все глаза: «Тебе понравилось??».

«Очень», – спокойно и весомо сказал отец, – «Замечательное стихотворение! Да у тебя талант!».

Я был страшно довольный и толстый, когда мы пришли в аудиторию, где папа собирался читать лекцию. Хотя гордость распирала меня, сомнения насчёт таланта у меня, конечно, еще сохранялись. Я мысленно повторял своё стихотворение снова и снова, то убеждаясь, что оно просто гениальное, то впадая в сомнения.

В этот раз аудитория была огромная, амфитеатром человек на 200, и заполнена более чем наполовину. Я тихонько уселся на первую парту, обуреваемый переживаниями.

И вдруг папа, вместо того, чтобы начать лекцию про каких-нибудь очередных кокков, объявил с кафедры: «У меня сегодня потрясающий день! Мой сын написал первое в своей жизни стихотворение!».

Аудитория затихла, и вместе с ней остановилось моё сердце. Поворот был более чем неожиданным для меня. Папа достал бумажку, на которую он записал моё творение, и с выражением зачитал его более чем сотне студентов. Я зажмурился. Мир сжался в точку и приготовился к новому большому взрыву. Из состояния споры меня вывел одобрительный шум и отдельные аплодисменты «ого, молодец!», «вот это да!», «так держать!» и так далее. Я открыл глаза и увидел улыбающиеся лица студентов и отца за кафедрой с бумажкой в руке. Мир не перевернулся, мир продолжал мне улыбаться, даже увидев меня очень-очень уязвимым...

Я внутренне расцвёл и остро, с огромным внутренним счастьем, на все 100 процентов уверовал, что писать стихи – это моё. Ну, то есть я точно могу! Мне – можно!

С тех пор я часто писал стихи: письма в стихах, поздравления, песни. Это было легко, ведь я точно знал, что я – настоящий поэт.

Когда мне было десять, отца не стало... Я не сразу понял, как многого не стало в моей жизни вместе с ним. Как-то, разбирая его старые бумаги, я обнаружил тот самый клочок бумаги, на котором папа записал мой первый стих. Я оторопело перечитывал его снова и снова и чуть не заплакал. А может быть, и заплакал. ЭТО ВООБЩЕ НЕ БЫЛО СТИХОТВОРЕНИЕМ... Там не было ни рифмы, ни размера – только первые зачатки мелодики. Это была ну

совсем робкая, невероятно хрупкая и совершенно неуклюжая попытка маленького мальчика прикоснуться к поэзии, как он её понимал. И никто не сказал мне об этом. Никто не стал объяснять мне то, как далеко моё творчество от идеала и куда мне нужно расти. Меня просто поддержали...

Говорят, что мы выбираем быть честными, когда мы не умеем быть добрыми.

Я вдруг осознал, что мой отец и эта сотня студентов проявили так много настоящей доброты в тот момент, что она до сих пор питает меня. Меня с головой накрыла волна благодарности. Казалось, я бы обнял сейчас весь мир, который в тот момент виделся мне бесконечно добрым.

– Ну, читай! – кидаю на стол три страницы, исписанные четверостишиями.

Серёга уже понимает, что проиграл: в противном случае я не выглядел бы таким вальяжным. Берёт листы.

– Ну и почерк у тебя, – ворчит он. Что есть, то есть, почерк у меня не очень.

– Тебе зачитать? – ехидно навожу я справку.

– Не надо, – Серёга читает, периодически одобрительно хмыкая. Он искренний соперник и настоящий друг.

– Твоя взяла, – говорит он, со вздохом откладывая листы, – ты сколько же всё это писал?

– До пяти утра, – отвечаю я.

– Вряд ли ты так заморочился только для того, чтобы на мне покататься, – Серёга с прищуром смотрит на меня.

– Нет, конечно, – я широко улыбаюсь. Приятно иметь дело с проницательным человеком, – мне просто очень хотелось проверить, смогу ли я это сделать, но без дополнительной мотивации было не собраться. Ну что, поехали?

Рарер монстр

В начале 2000-х я являл собой юного бизнес-консультанта, продающего скорее свои время и здравый смысл, чем знания и опыт, ибо последних на тот момент у меня ещё не накопилось. Мы с моим коллегой Игорем делали проект по оптимизации системы управления зарубежными активами для федеральной конторы Госзагрансобственности.

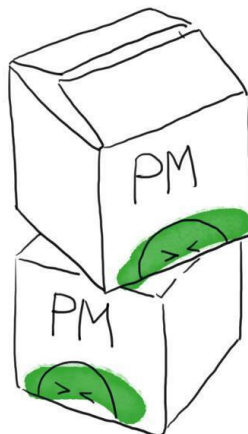
Игорь был умён, похож повадкой на дуэлянта, сложно устроен, амбициозен и подсознательно конкурировал со мной за лидерство.

Когда мы находились на одной волне, мы понимали друг друга с полуслова, легко играли в пас в сложных задачах, вместе синтезировали виртуозные интеллектуальные построения и были просто командой мечты. Когда же он был со мной не согласен или ему не хватало масштаба деятельности (а это тоже была не редкость), он мучился ужасно, играл желваками и, расхаживая по своему кабинету, восклицал «Хорошо!» с интонацией «Ну попадись мне!». Эта привычка, кстати, перешла мне от него в наследство.

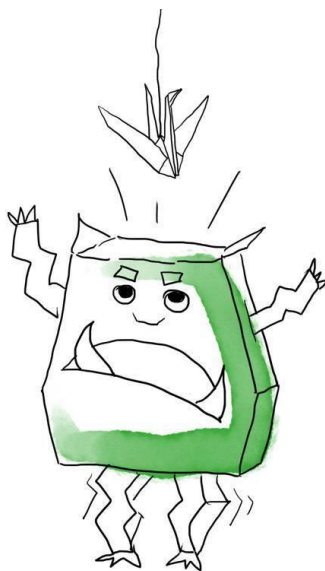
В те времена мы были веселы, беспечны и отличались богатым воображением.

Окрылённые тем, что за целый день мы (как нам казалось) не наговорили глупостей милым людям со стальными глазами офицеров внешней разведки, мы расслабленно ожидали итоговой аудиенции в московской приёмной их большого босса. В углу приёмной были сложены в кучу штук сорок коробок, на которых была нарисована какая-то страшная, насколько я помню, зелёная рожа и написано «Paper Monster».

Если бы мы не беседовали много часов с сотрудниками этого предприятия, мы могли бы подумать, что это коробки с плюшевыми гоблинами или лепреконами. Но эти люди, казалось, никогда не играли в игрушки, они были зачаты серьёзными родителями и выросли очень строгими, размышляя исключительно о судьбах отечества. В отличие от нас.

Большой босс задерживался, а наше воображение разыгрывалось всё сильнее. Мы стали обсуждать, что это может быть за чудик – «papermonster» – что он там вечно жуёт, как пронзительно верещит и как устрашающе переминается на своих кривых зелёных ножках. Мы представили себе маленькое, жуткое и страшно опасное существо, которое живёт в бумажных коробках и наводит ужас на всех, кто не выполняет должностные инструкции.

Вскоре выяснилось, что papermonster – это банально уничтожитель бумаги. (Ну конечно, какие ещё приборы могли закупаться этим учреждением в промышленных масштабах!). Но нас не отпустило. Вернувшись в Питер, мы с Игорем периодически дурили на эту тему, походя придумывая всё более фантастические сюжеты про rare монстра. И однажды под наше горячее воображение попался наш коллега, назовём его Герман.

Германа по праву можно было бы назвать самым адекватным из нас троих. Он был уверен в себе, рационален и благоразумен. Делал только то, в чём был абсолютно убеждён, и принимал

критику исключительно от тех, кого считал в том или ином вопросе авторитетом. Время от времени он снисходительно взирал на наше ребячество и вообще выглядел и наверняка чувствовал себя старше, хотя мы с ним были ровесниками.

Мы что-то обсуждали втроём в комнате – Герман, Игорь и я – когда в углу что-то скрипнуло.

...Мы с Игорем переглядываемся, и в наших глазах отражается испуг. «ОН??» – зловещим шёпотом спрашивает Игорь. «ОН...», – упавшим голосом отвечаю я. «Кто «он»?», – спрашивает Герман, пока ещё непонимающе спокойный. Но мы ему не отвечаем. Мы с Игорем медленно пятимся к двери. Медленно и тихо. Чтобы не спровоцировать «ЕГО». Ведь мало ли что ТОГДА... «Мужики, что с вами?» – интересуется Герман, несколько озабоченный нашим психическим состоянием. Но мы уже почти у двери. Расплёскивая панику, мы срываемся с места и, застревая в дверном проёме, вываливаемся в коридор. Мы захлопываем дверь в комнату, приваливаемся к ней и шумно дышим, давясь от беззвучного хохота. Герман подбегает к двери и пытается её открыть со словами: «Эй, что вообще происходит??!!!». «Рарег монстр!» – орём мы безумными голосами. В этот момент нервы Германа окончательно сдают. Он начинает судорожно дёргать ручку и биться в дверь с той стороны с истошными воплями «Выпустите меня!!!». Уровень адреналина в крови Германа, видимо, зашкаливает, потому что он, несмотря на наше сопротивление, проталкивает дверь – и мы втроём валимся на пол в коридор. На лице у Германа такое выражение, как будто он весь день сражался с зомби и один из них таки укусил его в шею. Мы, уже не сдерживаясь, ржём до колик. «Герман, нет никакого рарег монстра... – давим мы сквозь слёзы. – Они все остались в Госзагрансобственности»... «Дебилы!» – цедит Герман, вставая с пола и отряхиваясь.

С тех пор на упоминание рарег монстров в присутствии Германа было наложено табу, но мы с Игорем ещё год перемигивались и маскировали покашливанием приступы гомерического смеха.

Кажется, с годами я стал намного добрее...

О формальном и содержательном

Эта тайна была со мной лет 25. И вот теперь мне захотелось-таки раскрыть её широкой общественности ввиду полного истечения срока давности. Тем не менее участники этой истории, я надеюсь, и ныне здравствуют, и, возможно, им будет интересно вспомнить былое и посмеяться. Честно говоря, когда всё происходило, смеялись далеко не все, но я уверен, что за прошедшие годы те, кому было не до смеха, стали мудрее.

Я был тогда на третьем или четвёртом курсе уважаемого питерского института, естественно, переименованного впоследствии в университет. В институте решили провести большую конференцию и к ней издать тезисы докладов, которые засчитывались бы за публикацию. Публикациями мерились не только аспиранты, но и студенты: по тем временам разместить свой текст (свои мысли!) в настоящей книге – это было действительно нечто значимое и солидное.

Тезисы свои нужно было оформить по очень строгим правилам, напечатать на листе А4 и сдать специальному человеку. Предложения типа «давайте мы пришлём по электронной почте содержание, а потом один технический сотрудник за день всё отформатирует» отменялись с негодованием. Чтобы всё было максимально серьёзно, этим специальным человеком, который принимал тезисы, был назначен доктор технических наук, профессор (!) Эмиль Иосифович Богуславский. Профессор сидел с линейкой и измерял поля и шрифты в распечатанных тезисах, решительно разворачивая бестолочей, допустивших отклонения от стандарта. Психика Эмиля Иосифовича мужественно сражалась с переживанием очевидной бессмысленности этого занятия и ощущением его несколько избыточной квалификации для подобного дела. Тем не менее, победив когнитивный диссонанс, он выполнял вышестоящее поручение с огоньком и по всей строгости военного времени.

В какой-то момент студентам и аспирантам стало казаться, что тезисы их, на самом деле, никого не интересуют. Качество их научных изысканий воспринималось исключительно через призму соответствия формату, соблюдение которого обрело религиозное значение. Образ результата титанических усилий юных пассионариев науки и образования почему-то вдруг съёжился до стройности строчек, единства стиля и тактильной приятности качественной бумаги. Полёт фантазии и пульсация мысли отошли в этом продукте на второй план.

И тогда творческое возмущение вскипело в рядах... Знаете, как это бывает: когда люди слишком долго находятся внутри какой-то системы, они постепенно начинают воспринимать заданные в ней правила игры как законы мироздания. И соблюдают их. И не ропщут. «Потому что жизнь такая». Так нередко себя ведут сотрудники градообразующих предприятий, государственные служащие и преподаватели, давно и надолго прикипевшие к своим кафедрам и начальникам. Но в учебных заведениях есть и проточная сила – студенты, которые никогда не успевают просолиться настолько, чтобы любые перегибы на местах воспринимать за чистую монету. Студенты этого ВУЗа не были исключением. Вопрос оставался лишь в том, каким именно будет ответ. Ответ не заставил себя ждать.

Моя хорошая подруга Света не являлась бунтарём в общепринятом смысле этого слова, но обладала удивительным даром ясно очерчивать свои этические и эстетические границы. У Светы было редкое безупречное чувство стиля и в одежде, и в жестах, и в мыслях. Она очень тонко воспринимала социальный контекст и мгновенно реагировала на любую фальшь иронической улыбкой, характерным наклоном головы, коротким комментарием, благодаря которому настоящее и притворное мгновенно распутывались и оказывались по разные стороны стола. И если король был голый, это сразу становилось понятно и ему, и окружающим. Окружающие веселились, а король покрывался мурашками. Но самое интересное, что эти комментарии никогда не были острыми или агрессивными – они были, как правило, совершенно безоценоч-

ными. Она называла факты, составлявшие самую суть явления, с которыми невозможно было спорить, а выводы уже сами складывались в голове у собеседника.

Послушав свой внутренний отклик на происходящее в институте, Света обложила цитатами Козьмы Пруткова, Сартра, Камю и прочих уважаемых людей и создала невероятный винегрет из глубокомысленных фраз. В каждой фразе, в принципе, было и подлежащее, и сказуемое, и даже падежи стыковались, но смысла не было никакого вообще. Эта полная чушь была идеально оформлена в виде тезисов выступления в секции, кажется, «Философия и психология». Название было великолепно: «О сознательном и бессознательном, о формальном и содержательном». Более того, автором сего опуса значился И.К. Прутков (ну, типа сын Козьмы Пруткова), а научным руководителем Б.Г. Славский. Злые языки могли бы даже увидеть в этом аллюзию на профессора Богуславского...

Тезисы прошли строгую и тщательную проверку ширины полей и были направлены в печать.

Когда свежие, пахнущие типографской краской сборники разошлись по рукам, люди начали разглядывать, кто там ещё чего написал. И, наткнувшись на «О сознательном и бессознательном, о формальном и содержательном», просто рыдали в коридорах от смеха – настолько элегантным был этот демарш против системы. Мы шумно поздравляли Свету с писательским успехом.

Наконец новость докатилась до ректората. Ректор института был мужчина основательный, серьёзный, суровый. Эмиль Иосифович следующие несколько дней выглядел так, как будто его уличили в измене Родине и ссылают на Колыму.

Был объявлен тотальный розыск шутника, который походя опорочил всю систему качества научных работ уважаемого института. Студенты, понятно, своих не сдали. Тогда менеджмент института предпринял просто гениальную попытку выманить Трикстера из норы морковкой. На входе в главный корпус появилось объявление: «Автор тезисов «О сознательном и бессознательном, о формальном и содержательном» получил специальный приз жюри конференции. Просим подойти в ректорат для вручения».

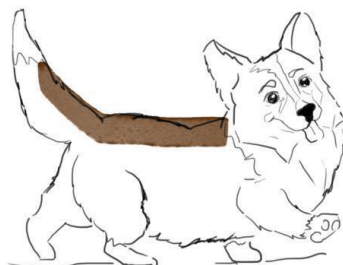
Это было прекрасно. Если кто-то ещё не ознакомился с этим произведением, то лучше рекламу ему придумать было сложно.

...Света так и не зашла в ректорат за призом. У неё нынче трое прекрасных детей, у которых, я уверен, столь же блестящая способность различать формальное и содержательное и столь же тонкое чувство юмора, как у их мамы.

Чисто мужская тема

Выхожу как-то вечером гулять с собакой. Марс, он же Марсель, – нахальный корги тигрового окраса, парень очень самостоятельный. Поводок я даже не беру. Мы вроде и вместе, но, когда появляется какая-нибудь четвероногая дамочка или потенциальный партнёр по бегу либо вольной борьбе, он типа сам по себе. Я не разнимаю, иду себе дальше, пусть развлекается. Марс рассказывает всем встретившимся собакам, особенно тем, что на поводке, что главная ценность – это свобода, получает свою долю умиления и восхищения и догоняет. В тот вечер он тоже кого-то встретил и начал носиться кругами, демонстрируя свои невероятные гончие задатки, которые, впрочем, учитывая небольшую длину его ног, существуют только у него в голове.

Я бреду дальше и даже ненадолго теряю его из виду. Забыв про поздний час, я свищу характерным двойным свистом – и через несколько секунд слышу приближающийся топот. Свист – это наша с ним фишка. Способ коммуникации, сопоставимый по дальности с рацией. Очень удобно. Одновременно вижу боковым зрением, что мой свист сбил с шага крупного плечистого мужчину с большой чёрной бородой. Он развернулся и решительно направился в мою сторону.

У меня в голове пронеслись несколько сценариев предстоящего разговора – все не очень. К свисту все ж относятся по-разному. Одних он раздражает, особенно после 23.00, для других даже насвистывание в принципе является дурной приметой в любое время суток. Жить со мной и тем и другим категорически противопоказано. Интересно, думаю я, к какой категории относится этот джентльмен?

Помню, как-то в техникуме ко мне также вразвалочку шёл один из местных заводил. В тот раз дальше следовало конструктивное предложение «пошли драться!». Он был несколько расстроен моей непримиримой позицией по одному этическому вопросу, которая исключала реализацию им и его командой ковбоев некоего почти гениального плана. Его душа требовала возмездия. Я понимал, что за потерю им лица перед ковбоями мне придётся как-то заплатить. И мы пошли драться. Но почему-то не дошли. Помню, как по дороге «драться» мой мозг зачем-то пытался разгадать, во-первых, как всё-таки по-японски правильно называется боковой удар ногой – маваши-гири или маваси-гири, а во-вторых, зачем в принципе для такого нехитрого дела нужно куда-то идти. Но мой спонтанный спарринг-партнёр вдруг плюнул, развернулся и пошёл назад. Так мы и не подрались. До сих пор гадаю, отчего он передумал.

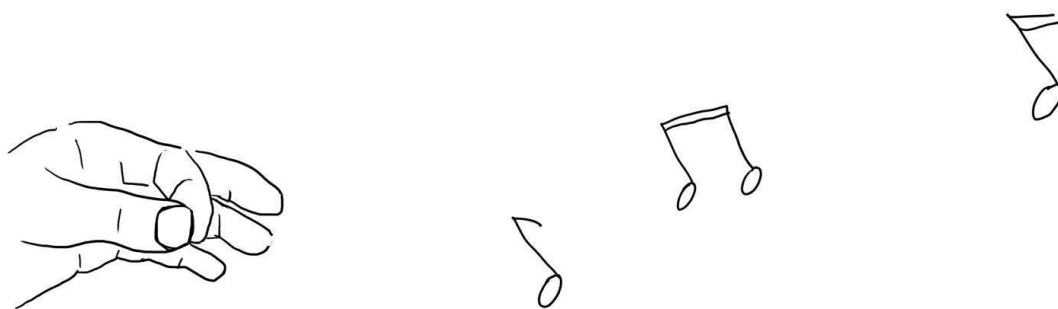
Мужчина подходит ко мне. Ему по виду чуть больше сорока. У него большие внимательные глаза, тонкий нос, густая борода, закрывающая большую часть лица, и чёрная вязаная шапка. Руки в карманах. Не могу по глазам разгадать его намерение и поэтому начинаю напрягаться. Сам на всякий случай руки из карманов вынимаю. И вдруг он задаёт совершенно неожиданный вопрос:

– Слушайте, как вы это делаете!? – в его голосе боль, в глазах неподдельный интерес.

– Что именно? – интересуюсь я, не без облегчения констатируя, что драться он сегодня, похоже, не собирается.

– Я всю жизнь хочу научиться так свистеть. Как вы это делаете? – он смотрит на меня с надеждой, как будто встретил своего гуру. И наконец сформулировал свой главный вопрос жизни, вселенной и всего такого. Марс садится рядом и тоже на меня смотрит. Похожим образом.

– Нууу, – меня хлебом не корми, дай кого-нибудь чему-нибудь научить. Я быстро вхожу в образ сэнсэя. – Берём два пальца, складываем вот так колечком, кладем так вот на язык и дуем.

– Сверху на язык или снизу? – спрашивает он, морща лоб.

«Как можно положить «на язык» снизу?!» – удивляюсь я, но отвечаю спокойно и медленно:

– Сверху, и кончик языка чуть загибаем вниз.

– Алексей, – протягивает он руку.

– Павел.

Пожимаем друг другу руки и следующие пять минут тренируемся. Двор наполняется странными звуками шипения, переходящего в слабый свист, как если бы хулиганы протыкали

поочерёдно все колёса у припаркованных машин. Что-то получается, но пока ещё явно далеко от идеала. Редкие прохожие оборачиваются на двух мужиков за сорок, которые, засунув по два пальца себе в рот, с серьёзным видом делают странные дыхательные практики, периодически высовывая язык, как будто собираясь станцевать хаку. Марс смотрит на нас с терпеливым недоумением и тоже время от времени высовывает язык.

Алексей немного расстроен своими успехами, но не сдаётся, как все крепкие бородатые мужчины.

– Мне в своё время понадобились недели две практики, чтобы найти правильное положение, – успокаиваю я его, – нюансы анатомии у всех разные.

– Буду тренироваться, – обещает он и впервые улыбается.

Мы снова жмём руки и расходимся в разные стороны. Марс семенит рядом.

По дороге домой я ещё долго размышляю о том, что подобная история, кажется, может случиться только с мужчинами. Какая-то это очень мужская тема – вступить почти ночью в контакт с незнакомцем, чтобы из чистой позиции ученика освоить некий не слишком функциональный, но прикольный навык. Мне нравится мысль, что это, вероятно, и есть двигатель эволюции, прогресса, ключевую роль в котором я мысленно, естественно, отдаю мужчинам.

В этот момент мой Марс увязывается за какой-то незнакомой чёрной собакой и вслед за ней поднимает лапу на припаркованный у автобусной остановки самокат. «А может, и не прогресса», – приходит мне.

Линза

У меня есть друг. Иногда я слушаю то, что он говорит, и поражаюсь, какой же он другой. Он вообще всё иначе себе думает, чем я. У него другая картина мира, во многом не совпадающие с моими ценности, и иногда он бывает, по моему мнению, редкостным занудой. И при этом он друг настоящий. Я доверяю ему безгранично. Я точно знаю, что он всегда на моей стороне. Я чувствую, что он по-настоящему радуется и горюет по моим поводам вместе со мной.

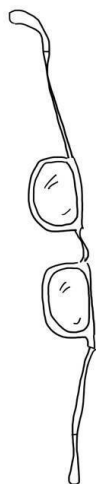
Один мой знакомый, владелец большой ИТ компании, как-то сказал, мол, есть три уровня доверия между мужчинами. На первом уровне доверия, минимальном, ты готов с человеком пойти в разведку. На следующем уровне, более сложном, ты готов оставить с ним свою жену, уходя в дальнее плавание. И на третьем уровне, самом продвинутом, ты спокойно готов пойти с ним в сложный проект, по итогам которого вам нужно будет справедливо поделить между собой миллиард. Я верю, что с этим другом мы не поссоримся, даже деля миллиард или выбирая, кто первый вылезает из тонущей подводной лодки (не дай Бог, конечно). Это очень ценные для меня отношения.

Часто вспоминаю один из эпизодов, из которых это доверие выросло.

Была зима. Нам было лет по 15. Мы потешно боролись в сугробе в лесу в полудне быстрой ходьбы от моего дома. Андрей жил чуть дальше. Да, 30 лет назад в полудне ходьбы от наших домов в Купчино был лес. Я занимался рукопашным боем, он качался (чем ещё заниматься в Купчино?), нам было что опробовать друг на друге.

В запале я и не заметил, как у меня выпала одна контактная линза. Это была не просто досада. В начале 90-х нельзя было купить контактные линзы в любой аптеке или в автомате в метро. Нужно было записаться к врачу в спецклинику в центре города и потратить кучу времени на визит. И стоило это по тем временам прилично для моей семьи – так сразу не поедешь, копить нужно.

Я сильно расстроился. Потеря линзы имела последствия. Во-первых, для тренировок. Зрение минус 4,5 ограничивало мои возможности вести спарринг с динамической дистанцией. За полгода до этого, наверное, решив, что я Ван Дамм и могу биться хоть с закрытыми глазами, я поучаствовал во внутренних соревнованиях нашего бойцовского клуба без очков и линз и пропустил такой удар ногой в грудь, что отлетел на пару-тройку метров, упал на спину и не смог продолжать бой. Как выяснилось много позже, я тогда сломал копчик. Понадобилось несколько месяцев, чтобы после этого всё восстановить: и копчик, и репутацию. Во-вторых, я терпеть не мог свои очки с толстыми тяжёлыми стёклами и чувствовал себя в них полным ботаном.

По дороге домой я скрипел зубами, испытывая хорошо известное неокрепшим умам чувство острого сожаления «Эх, зачем я только...», виноватил всех и каждого и мечтал о том, чтобы проснуться в реальности, в которой всё иначе.

Мы расстались у моего дома, я хмуро пожал Андрею руку. Примерно через час я уже должен был выдвигаться к репетитору, напялив свои стрёмные очки, словно налобную повязку с надписью «я балбес».

Однако через минут 50 в моей квартире раздался звонок. Я уже был в коридоре и собирался выходить. Открыв дверь, я выпучил глаза от удивления. На пороге стоял Андрей. От него шёл пар. Он был совершенно мокрый от пота и тяжело дышал. В одной руке у него был огромный банный таз и полиэтиленовый мешок, как потом выяснилось, с большущим термосом. Другой рукой он протягивал мне спичечный коробок: «Держи свою линзу». Он улыбался счастливый. Я не поверил своим ушам, схватил коробок и открыл его. Линза и правда была там. Комок благодарности из груди подкатился к горлу и на секунду перехватил мне дыхание.

Оказалось, что этот ненормальный помчался домой, вскипятил чайник воды, наполнил термос и, захватив с собой таз, побежал к месту нашего побоища. Там он разбил на сектора развороченную полянку и последовательно, сектор за сектором, просеивал и топил снег, пока чудом не отыскал в нём линзу. После чего он побил все рекорды по бегу уже к моему дому.

– Да ты вообще сумасшедший! – говорю я, совершенно обалдевший от осознания, что у меня есть такой друг. Факт того, что я снова обладаю полным комплектом желанных линз, как-то сам собой отошёл на второй план. – У тебя же не было никаких шансов!

– Ты настолько расстроился, что я просто не мог это так оставить, – пожимая плечами, ответил он.

Прошло очень много лет, а я продолжаю периодически вспоминать эту историю и искать ответ на очень простой вопрос: а как бы я поступил на его месте? Честно – я не знаю. Но, благодаря этому опыту, я до печёнок прочувствовал, как это, когда друг не доверяет теории вероятности, а просто делает всё, чтобы выручить тебя из беды. Что-то принципиально важное есть в этой внутренней невозможности «так оставить», пока существует хоть какой-то шанс. И тогда мизерные шансы, словно под увеличительной линзой, вдруг оказываются достаточно большими, чтобы всё получилось.

Мудрость старейшин

Лет 20 назад наша компания консультировала правительство одного исключительно живописного и богатого углеводородами региона. Задача была оценить долгосрочную конкурентоспособность основных отраслей экономики региона и дать предложения по совершенствованию промышленной политики.

Я обожаю такие истории. Во-первых, это была прекрасная возможность посмотреть мир во всём его многообразии за счёт клиента. Во-вторых, как я сейчас понимаю, для меня это был замечательный способ потешить своё самолюбие.

Ну, правда, в те времена нечасто можно было встретить регионального чиновника с правильным образованием, международным кругозором и качественным стратегическим видением. На местах было очень много крепких хозяйственников, многие из них были ответственные и добросовестные, но при словах «как вы планируете повышать глубину интеграции отрасли X в мировую экономику?» или «какие кластеры конкурентоспособности вы уже идентифицировали в регионе?» с ними запросто могла сделаться падучая. Если ты проштудировал классиков – Портера, Минцберга и Ансоффа – с карандашом в зубах, можно было ставить один против пятидесяти, что человека, образованнее тебя в теме корпоративной или региональной стратегии в правительстве регионов ты не встретишь. Эти знания, естественно, не делали меня крутым управленцем, но экспертом «федерального масштаба» – вполне. Ну и в свои «меньше тридцати» осознавать это было более чем приятно. Перья распушались и щёки надувались сами собой.

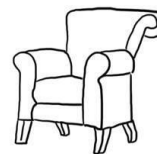
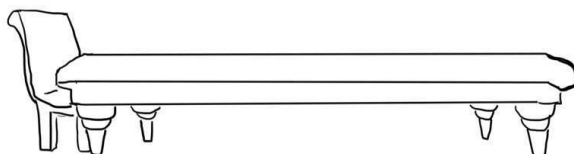
Неотъемлемая часть любого исследования такого рода – интервью с членами правительства, курирующими ключевые отрасли. Люди всегда были моей самой любимой частью программы. Все эти высокие чиновники были весьма неординарными личностями – обычно сильными, в основном умными, часто дерзкими, нередко мутными. Мне нравилось строить гипотезы относительно того, что привело именно этого человека именно в эту точку его карьеры: многолетний труд в системе и безусловная лояльность ей, интриганство и макиавеллизм, необоснованный оптимизм от невероятно успешного предыдущего опыта в предпринимательстве или шизоидность (я тогда ещё не знал такого слова, но уже выделял суперпедантичных эмоционально холодных интеллектуалов, у которых «всё по полкам», кроме отношений с коллегами).

В ходе бесед с региональными министрами, среди которых я обнаружил всю палитру моих типажей, довольно быстро выяснилось, что до согласованной политики там как до луны пешком. Коллеги окопались в удельных княжествах своих министерств и комитетов и фактически разговаривали друг с другом на разных языках про разное. То, что одним руководителям представлялось краеугольным камнем, главным вызовом развития региона на этом этапе, другим же могло быть неизвестным как проблема вовсе. Мы несколько дней пытались разгадать эту загадку: почему у коллег, сидящих в общем-то в одной лодке, регулярно (наверное) встречающихся на совещаниях и в коридорах, такие разные представления о контексте, приоритетах и сотрудничестве. Но безуспешно. Эта тайна от нас постоянно ускользала.

Открытие пришло оттуда, откуда мы его совсем не ждали. Одним из последних в серии наших встреч значился глава местного комитета по ЖКХ по имени Степан Петрович. Тематика ЖКХ не входила в зону нашего интереса и ничего особенного мы от этой встречи не ждали. Навестить его – это была почти только вежливость. Более того, встреча началась настолько странно, что я уже было подумал, что зря мы с коллегой вообще сюда явились.

В кабинете Степана Петровича, довольно просторном, для нас двоих были приготовлены стулья. Они стояли посреди кабинета. Сам он – довольно крупный, если не сказать грузный, мужчина – восседал за столом, немного хмурясь и отводя взгляд от прямого контакта. Внешний

антураж напомнил мне комнату для допроса. Как будто это не мы пришли вопросы задавать, а нас привели выпытывать военные тайны.

Я интерпретировал всё это как ясный сигнал про то, что а) мы гости нежеланные, б) в официальную повестку нашей встречи он не поверил и счёл её прикрытием для чего-то другого и в) кофе нам не налиют. Ну бывает, думаю я. Рассказываю, кто мы и зачем. Перехожу к вопросам про его задачи и проблематику. Получается не очень. Интервью вязнет. Мои вопросы булькают в озеро его нежелания разговаривать и обрастают в нём водорослями бессмысленных подробностей, до которых нам нет никакого дела. Понимаю, что если бы в конце нашего визита у нас не была бы запланирована аудиенция у губернатора, Степан Петрович, возможно, и вовсе бы нас не принял.

Первый час разговора наш собеседник находится в довольно странном эмоциональном состоянии, суть которого я никак не могу уловить. Что-то среднее между попыткой обидеться и желанием чихнуть. Его брови то хмурятся, сдвигаясь к переносице, то поднимаются вверх, на лоб, как будто даже независимо от содержания разговора.

Ищу способы выйти-таки на диалог и меняю формат беседы: перехожу от вопросов к нашим наблюдениям со встреч с его коллегами. Рассказываю, как убедительно один говорил про потребность в прямых иностранных инвестициях в пищевку, другая – про облегчение процедур выдачи лицензий, третий – про проблемы квотирования вылова. И рассуждаю, что, мол, интересная особенность – каждый видит свою проблематику, но никак не стыкует её с контекстом развития других отраслей. Наш собеседник время от времени выпрямляется в кресле и делает глубокий вдох, как будто собирается сказать что-то, замирает на секунду-другую, но потом выдыхает и снова оседает. Поймал себя на мысли, что я в эти моменты делаю вдохи, выдохи и задержки вместе с ним, как будто мы на пару занимаемся пранаямой.

Задаю очередной вопрос, уже почти не надеясь на внятный ответ: «Как Вы полагаете, в чём причина того, что члены правительства столь по-разному видят себе ситуацию?»

Степан Петрович, кажется, впервые за нашу встречу ловит мой взгляд, и его брови перестают гулять по всему лицу. Он выпрямляется в кресле и вдруг почти выкрикивает: «Мыться надо чаще, а они не моются!»

В комнате повисает пауза. Довольно длинная. Я чувствую, как мой коллега повернулся ко мне, но переглянуться с ним – значит послать двусмысленный сигнал. Смотрю в глаза собеседнику. В моей голове проносятся различные удивительные картины, но состоятельные гипотезы о связи между отношением к гигиене и уровнем координации членов правительства не рождаются. При этом я всем телом ощущаю, что сейчас происходит что-то важное.

Произношу ровно, чтобы никого не спугнуть: «Кажется, Вас это беспокоит. Мы можем остановиться на этом поподробнее?» По взгляду Степана Петровича понимаю, что он пытается разобраться в том, насколько я действительно хочу об этом поговорить. Я сам ещё точно не знаю, но делаю самое участливое выражение лица, на которое только способен. Тогда он медленно произносит: «Весь свой управленческий опыт я воспринял от своего бывшего руководителя в бане.»

То, что баня – это полезно, я, в принципе, и так знал. Но то, что это может быть настолько полезно для эффективной работы правительства – это стало для меня совершеннейшим открытием. Степан Петрович рассказывал, что именно в бане до недавнего времени открыто обсуждались вопросы, которые стыдливо замалчивались на официальных совещаниях. В бане обменивались новостями, тестировали новые идеи, находили нестандартные решения, создавали альянсы. В бане выращивался кадровый резерв: от аксакалов передавалась молодым руководителям аппаратная мудрость, внутренний этикет и правила игры. Но времена изменились. В правительство сразу на высокие посты пришли слишком молодые люди, решительные женщины – и банная традиция сама собой умерла, потеряв кворум. Вместе с ней в правительстве региона практически сошла на нет и практика неформального общения. И ничего не пришло взамен.

Степан Петрович говорил рваными фразами, то повышая голос, то не к месту понижая; его удивительные брови прыгали то вверх, то вниз, но теперь я понимал, что так у него проявлялось волнение. Он действительно переживал за свою малую родину и за своё дело. Мы видели, что он искренне старается донести до нас самую суть и слушали с большим интересом. Он был совсем не глуп, этот любитель с пользой помыться. Он очень точно уловил фундаментальную проблему этого региона, с решения которой следовало начинать. И я должен был признать, что к этой задачке – как открыть этих столь разных людей друг для друга – не было ответов во множестве прочитанных мною книг по стратегии.

Мы простились совсем на другой волне, чем здоровались. Я был признателен ему за откровенность, а ему явно было радостно оттого, что мы не обесценили его рассказ и дали его выводам, которые он до сих пор держал при себе, внимание и место. На прощание Степан Петрович произнёс: «Ну, если доедете до нас снова, приглашу вас в баню!». Выглядел он при этом умиротворённо и весело, как настоящий старейшина, а брови его окончательно заняли полагающееся им место.

Отчасти благодаря этой встрече, хотя и по прошествии многих лет, я почти перестал видеть в неуклюжести недалёкость и путать начитанность с глубиной. И очень ценю людей, с которыми хочется сходить в баню.

Девочка и шут

Я всё время удивляюсь правильным детям. Правильным, в смысле послушным и ответственным, прогнозирующим социальные последствия любой своей проделки, оценивающим их по шкале «хорошо» или «плохо» и на этом основании отказывающимся от любых проделок. Слушающимся маму и папу. Кушающим только ножом и вилкой. Не способным представить себя уличными музыкантами. Никогда не нарушающим правила.

Смотрю я на таких детей и, с одной стороны, мне завидно немного, конечно. Они не наденут на голову строптивому товарищу ведро с краской. Не пойдут в семь лет одни гулять по крышам. Не вступят в драку с кратно превосходящим по силе обидчиком. Это всё, как вы понимаете, примеры из жизни моих девочек. Мне никогда не было так спокойно, как вероятно бывает спокойно счастливым родителям правильных детей.

И при этом мне невероятно хочется схватить такого правильного ребёнка за шиворот и встряхнуть из него все эти бильярдные шары правил и ограничений, чтобы обнаружить под ними полузадохшегося реального ребёнка. Это, естественно, мои тараканы и моё личное, ужасно субъективное и конечно же неправильное представление о том, что «ребёнкам» хорошо, а что тоска смертная. Но если мне попадался в руки «правильный» ребёнок, довольно скоро можно было увидеть в нём чудесную (на мой вкус) трансформацию. В нём просыпался маленький шут-дурак. Его глаза начинали хитро блестеть, он пробовал новое, не обязательно укладывающееся в базовые правила этикета, но дающее ему море энергии – у него раскрывались врождённые задатки к спонтанности и импровизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.